

Олег Будницкий

От редактора

Когда вы будете держать в руках эту книгу, пройдет уже год — или больше — со времени ухода из жизни двух замечательных историков — Виктора Кельнера и Ефима Меламеда. Они ушли в течение одной недели: Виктор скончался 24 февраля 2021 года в Николаевской больнице в Петергофе, Ефим — 3 марта в Киеве. Обоих унесла чума нашего времен — ковид. Оба были полны творческой энергии, строили планы. С Ефимом мы обсуждали по скайпу его публикацию в «Архиве» за две или три недели до его ухода... Для меня это еще и личная потеря: Виктор был моим близким другом, Ефим — добрым приятелем. Словами памяти о них — замечательных людях и историках — открывается этот том.

Горько сознавать, что Ефиму Меламеду не доведется увидеть его самую значительную, на мой взгляд, публикацию на страницах «Архива». В предыдущих томах нашего издания были опубликованы пять его материалов. Ефим в полной мере воспользовался открытостью украинских архивов, в том числе архивов советских спецслужб. В его скрупулезном, как всегда, исследовании рассматривается история надзора сталинских спецслужб за еврейскими писателями в конце 1930-х — начале 1950-х годов, имевшего последствиями репрессии и физическое уничтожение многих из них. В приложении к его статье публикуется уникальный материал — донесения тайного агента (на советском языке — сексота), «освещавшего» деятельность «братьев-писателей». Похоже, по мере открытия архивов мы будем узнавать все больше интересного об истории советской литературы.

Григорий Кан (Москва) вносит очередную лепту в изучение «вечной» темы: евреи и русская революция. На сей раз его исследование посвящено Аарону Зунделевичу (1852–1923), видному деятелю народнического движения, члену Исполнительного комитета «Народной воли». Роберта де Джорджи (Удине, Италия) посвятила свое обширное исследование истории переводов и издания «Трех сказок» Льва Толстого, которые тот, по просьбе Шолом-Алейхема, передал ему для публикации в сборнике в пользу евреев, пострадавших от погрома в Кишиневе. История получилась крайне запутанной и увлекательной, она вносит дополнительные штрихи в биографии Л. Н. Толстого и Шолом-Алейхема, так же как в историю литературной жизни и издательского дела начала XX века. Мария Гулакова (Санкт-Петербург) публикует письмо этнографа и общественно-политического деятеля Моисея Кроля (1862–1942), обнаруженное ею в архиве YIVO в Нью-Йорке. Сведения, содержащиеся в письме Кроля (в то время эмигранта в Париже) Хаиму Житловскому от 26 марта 1936 года, проливают свет на малоизвестную попытку организации переселения европейских евреев в 1930-х годах в Эквадор и, соответственно, на историю созданного для этой цели Эквадорского комитета.

Олег Будницкий

Памяти Виктора Кельнера (1945 – 2021)

Виктор Ефимович Кельнер родился 23 февраля 1945 года в Москве, куда успела эвакуироваться из Ленинграда его мама со старшим сыном. Отец Виктора, кадровый военный, был в это время в действующей армии. По словам Виктора, зачат он был в Тбилиси, куда его мама поехала навестить отца, находившегося в госпитале на излечении после ранения¹. Вот такая типичная — и в то же время особенная — военная история. После окончания войны семья вернулась в Ленинград. Виктор окончил вечернее отделение исторического факультета Ленинградского государственного университета с перерывом на службу в армии. В феврале 1968 года параллельно с учебной работой начал работать помощником библиотекаря в фонде земских изданий отдела фондов и обслуживания Публичной библиотеки. Проработал в Публичке без малого 45 лет, «дослужившись» до ведущего научного сотрудника. Работал в секторе рекомендательной библиографии, затем в секторе книговедения, с 2004 года — в отделе редких книг. В университете Виктор специализировался по Новой и Новейшей истории, в частности, по истории Великобритании. В 1977 году защитил в ЛГУ кандидатскую диссертацию на тему «Жизнь

¹ URL: http://www.jewish-family-relics.ru/video_gallery.php?user_id=46&vgal_id=32 (дата обращения: 17.01.2022). См. здесь же видеointервью В. Е. Кельнера, в котором он рассказывает историю своей семьи.

и революционная деятельность Тома Манна (1856–1941)». По библиотечной линии выпустил рекомендательный указатель литературы «Великобритания» (М.: Книга, 1979). Тому Манну, личности весьма неординарной, посвящена его первая монография: «Том Манн — человек и революционер» (М.: Мысль, 1983). Виктор был «человеком книги», постоянно публиковал статьи в книговедческих сборниках — ленинградском/петербургском — «Книжное дело в России в XIX — начале XX века», московском — «Книга. Исследования и материалы». Был автором глав в коллективных монографиях, изданных Публичной библиотекой (зачем-то сменившей славное историческое имя на Российскую национальную библиотеку): «Книга в России, 1861–1881» (1991), «Книга в России, 1895–1917» (2008).

Одновременно с этой видимой профессиональной деятельностью шла другая, не то чтобы запретная, но не поощряемая и не имевшая каких-либо перспектив в плане публикаций — во всяком случае, легальных: изучение истории российских евреев. Благо что Публичка, насколько мне известно, обладает наиболее полным собранием литературы о евреях на русском языке. К тому моменту, когда изучением истории евреев стало возможно заниматься без оглядки на политическую погоду, Виктор был одним из крупнейших знатоков предмета. Мне уже приходилось говорить, что крушение коммунистического режима стало неожиданной удачей для нашего поколения (на этот счет есть и другие мнения) и в особенности для поколения историков. Однако к удаче надо быть готовым. Виктор был готов. Замечу, что его феноменальная эрудиция и готовность помочь коллегам принесли неоценимую пользу немалому числу исследователей — и в советское, и в постсоветское время. Некоторые стали его близкими друзьями. Назову среди них Джона Клиера и Бенджамина Натанса.

Библиотекарь, сотрудник библиотеки ассоциируется, вероятно, у большинства людей с чем-то тихим (ну да, в библиотеке не принято шуметь) и скромным. Не думаю, что это справедливо в целом и уж точно не относится к Виктору. Он обладал поистине взрывным темпераментом. С детства. Его исключали из четы-

рех разных школ. Со временем он остепенился, однако так и не стал «паинькой». Он очень даже «умел» ссориться с людьми и за словом в карман не лез там, где другой бы смолчал или не придал значения. Однажды полез в драку в пригородной электричке, когда какая-то шпана стала приставать к незнакомой девушке. Ему в это время было прилично за 60 и, надо сказать, шпану он обратил в бегство. Добавлю, что Виктор был очень невысокого роста, но, как известно, в таких случаях иногда важнее не антропометрические данные, а решительность.

Возвращаясь к академическим делам. Виктор был ярким представителем петербургской школы, одной из отличительных черт которой является вкус к работе с источниками, их публикации. Впервые я узнал о его существовании благодаря составленному Виктором сборнику документов и воспоминаний «1 марта 1881 года» (Лениздат, 1991), посвященному, понятно, убийству народовольцами императора Александра II. Сборник был составлен очень квалифицированно, снабжен кратким биографическим словарем и перечнем упомянутых в текстах переименованных улиц, площадей и мостов Ленинграда. Год спустя, в июле 1992-го, мы познакомились лично — в Иерусалиме, на двухнедельном семинаре профессора Еврейского университета Мордехая Альтшулера для исследователей из республик бывшего СССР.

Темой семинара была история еврейских общин за пределами черты еврейской оседлости до Второй мировой войны. Лекторы были блистательные: профессора Йонатан Френкель, Серджио Делла Пергола, Израэль Барталь, Эзра Мендельсон (список не исчерпывающий) и, конечно, сам Мордехай. Состав слушателей был довольно пестрым, в значительной степени случайным. Это было самое начало возрождения российской иудаики, и в заброшенный организаторами семинара, во многом вслепую, невод попала самая разная «рыбка». Я был неофитом, и сделанный мною на семинаре доклад был первым в моей жизни по «еврейской проблематике». Да и вообще, это был мой первый выезд за пределы отечества, и сразу — в Иерусалим! Виктор участвовал в семинаре Альтшулера в предыдущем году, но дело было не только —

и не столько — в этом. Он не просто был в теме: иногда мягко поправлял профессоров или что-то добавлял во время дискуссий. Его эрудиция была поразительна. Мы как-то быстро сошлись. Однажды вечером Виктор заявился ко мне в номер с «официальным визитом» с предусмотрительно захваченной из Питера бутылкой водки. Бутылка была опорожнена, исторические и прочие проблемы были обсуждены, и мы перешли на «ты». А может быть, и уже были. В качестве штриха времени: исследователи истории евреев из бывшего СССР были явлением столь экзотическим, что нас принял президент страны. Тогда им был Хаим Герцог. Наше фото с президентом вы найдете в этом томе «Архива».

В 1990-е годы Виктор наконец смог в полной мере заняться своей главной темой. Но не только. Почти каждый год выходят книги: в 1993 году — монография «Человек своего времени: (М. М. Стасюлевич: издательское дело и либеральная оппозиция)» (СПб.: Изд-во Российской национальной библиотеки [далее — РНБ]); в 1994-м — «Очерки по историографии евреев в России» (М.: Еврейский университет в Москве, совместно с Р. Ш. Ганелиным). В 1995 году в Санкт-Петербургском институте истории РАН он защитил докторскую диссертацию «Общественно-политическая жизнь в России и издательское дело в 70–80-х гг. XIX в.: (На материалах деятельности М. М. Стасюлевича)». В том же году выходит монументальный (678 страниц) библиографический указатель «Литература о евреях на русском языке, 1890–1947: Книги, брошюры, оттиски статей, органы периодической печати» (СПб.: Академический проект, 1995)², подготовленный Виктором совместно с Дмитрием Эльяшевичем. Это, можно сказать, книга для вечности: монографии или статьи могут устареть, библиография — никогда.

В 1998-м выходит подготовленное Виктором первое научное издание мемуаров С. М. Дубнова, его главного героя — «Книга жизни: Воспоминания и размышления: Материалы для истории

² В 2004 году Виктор выпустил дополнение к указателю: «Литература о евреях на русском языке, 1890–1953». СПб.: Европейский дом, 2004.

моего времени» (СПб.: Петербургское востоковедение, 1998. 661 с.). Он подарил мне этот внушительный том, надписав: «С комментаторским приветом». В 2004-м вышло новое, роскошное издание «Книги жизни» (М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2004. 795 с.). Объем комментария составил 130 страниц против 48 в предыдущем издании. Так что «комментаторский привет» можно было бы удвоить даже с учетом разницы в формате и шрифте. В промежутке в престижной мемуарной серии издательства «Новое литературное обозрение» вышел составленный Виктором том «Евреи в России: XIX век» (М., 2000. 557 с.). В книгу вошли «Из николаевской эпохи» А. И. Паперны, «Из записок еврея» А. Г. Ковнера и «Дела минувших дней» (т. 1) Г. Б. Слиозберга. Разумеется, том, как положено, сопровождался вступительной статьей («Евреи, которые жили в России»), комментариями и указателями.

В 1990-х годах возможности для занятий иудаикой радикально меняются. Возникают частные учебные заведения, носящие гордые названия университетов, а то и академий. Что важно, начинает выходить первый в постсоветское время научный журнал по иудаике — «Вестник Еврейского университета в Москве» (впоследствии — «Вестник Еврейского университета»). Позднее, в конце 1990-х — начале 2000-х годов, появляются кафедры в «больших» университетах — МГУ и СПбГУ. В 1994 году был учрежден Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер». С момента основания и на протяжении многих лет Виктор был членом академического совета «Сэфера». Пожалуй, важнейшей функцией «Сэфера» была организация ежегодных крупных международных конференций — традиционных мест встречи исследователей иудаики. Виктор был неизменным участником почти всех конференций.

Виктор активнейшим образом публиковался в «Вестнике Еврейского университета». С 1992 по 2005 год в 29 вышедших номерах было напечатано 25 его материалов: 10 статей и 15 документальных публикаций! И это не считая статей в различных сборниках. Основная проблематика — история русско-еврейской

интеллигенции конца XIX — начала XX веков. Главные герои — Семен Дубнов, Максим Винавер и Владимир Жаботинский. В то же время Виктор — и по долгу службы, и по призванию — продолжал публиковаться в книговедческих изданиях. К этому следует добавить доклады на многочисленных международных конференциях, в том числе на всемирных конгрессах по иудаике в Иерусалиме, конференциях и семинарах по истории еврейской эмиграции в Париже, Нью-Йорке, Франкфурте-на-Одере, Берлине, Бате (Великобритания) и других. Если учесть интенсивную исследовательскую работу в архивах, а наряду с российскими он работал в Центральном архиве истории еврейского народа в Иерусалиме, архиве Института еврейских исследований (ИВО) в Нью-Йорке, то остается лишь изумляться его работоспособности и продуктивности.

Своеобразным синтезом его интересов в области еврейской истории и книговедения стали «Очерки по истории русско-еврейского книжного дела во второй половине XIX — начале XX в.» (СПб.: РНБ, 2003. 240 с.). На подаренном мне экземпляре забавная надпись: «Помни — наше дело хвастаться книжками». Ну да, только сначала их надо написать. В 2008 году выходит *opus magnum* Виктора — научная биография С. М. Дубнова — «Миссионер истории: жизнь и труды Семена Марковича Дубнова» (СПб.: Мирь, 2008. 708 с.). Два года спустя вышел ее перевод на немецкий — «Simon Dubnow: Eine Biografie» (Göttingen: Vandenhoeck Vandenhoeck & Ruprecht, 2010).

С 1999 года Виктор являлся научным сотрудником межфакультетского центра «Петербургская иудаика» Европейского университета в Санкт-Петербурге, одновременно он начал преподавать в этом университете. Там у Виктора появились ученики (по большей части ученицы) — магистранты и аспиранты. Кандидатские диссертации под его руководством написали Ольга Минкина, Майя Витенберг, Елена Норкина. Все защитились в Санкт-Петербургском институте российской истории РАН. Специальности «иудаика» в номенклатуре научных специальностей в РФ как не было, так и нет. Все защищались по отечествен-

ной истории. Впрочем, история евреев в России, безусловно, часть отечественной истории. В 2008 году Виктора пригласили перейти на должность профессора кафедры еврейской культуры в Институте философии Санкт-Петербургского государственного университета. Это означало сменить место основной работы, расстаться с библиотекой, в которой он прослужил к тому времени 40 лет. Это было нелегкое решение; в конечном счете выбор в пользу университета был сделан, хотя в библиотеке он проработал по совместительству до 2012 года. В 2016 году Виктор перешел из СПбГУ на должность профессора в Европейский университет, оставаясь одновременно сотрудником «Петербургской иудаики».

Виктора подкосила трагическая гибель жены в августе 2010 года. С Леной была прожита жизнь, она только-только начала оправляться после казавшейся неизлечимой болезни... Он говорил мне, что не хочет жить. Спасало внимание друзей, коллег, учеников. И главное, работа. В предисловии к своей монографии «Щитъ. М. М. Винавер и еврейский вопрос в России в конце XIX — начале XX века» (СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018. 507 с.) Виктор пишет, что идею написать книгу о Винавере ему подали Б. И. Колоницкий и автор этих строк. А на подаренном мне экземпляре книги даже именует меня «вдохновителем». Не буду отпираться: так оно и было. Постоянно твердил ему: «Если не ты, то кто?» Вот только мотивы у меня были не только — и не столько — научные. Главной задачей было вернуть его к жизни, и в случае Виктора лучшим способом была работа, стремление к большой цели. Конечно, это произошло бы и без посторонней помощи, ибо работа (говоря высоким слогом — творчество) была его способом существования.

Кажется, после защиты докторской диссертации Виктор говорил, что теперь будет заниматься только еврейской историей. Однако «никогда не говори “никогда”». В 2013 году с его предисловием и комментариями выходит альбом «Наши автографы. С искренней благодарностью за любезное внимание... Инскрип-

ты писателей и поэтов на книгах Российской национальной библиотеки» (СПб.: РНБ). В 2014-м — «Очерки по истории издательской деятельности народнических и демократических партий и организаций, 1895–1917 гг.» (СПб.: РНБ. 232 с.).

Виктор с энтузиазмом отнесся к появлению в 2004 году «Архива еврейской истории», издававшегося сначала Международным исследовательским центром российского и восточноевропейского еврейства, а ныне — Еврейским музеем в Москве. Он публиковался на страницах ежегодника чаще, чем кто-либо другой: лишь один из 11-ти томов «Архива» вышел без его материала. В некоторых томах он выступал и как автор, и как публикатор³. Виктор был, несомненно, самым деятельным членом редакционного совета «Архива», его неформальным представителем в Петербурге. Он «привел» в «Архив» немало толковых авторов и публикаторов.

Виктор умел дружить. Всегда был готов помочь. Присылал по почте в ту эпоху, когда сканирование и пересылка файлов по Интернету еще не стали обычным делом, ксерокопии необходимых статей, а то и целых книг. Когда я приезжал в Питер, он всегда встречал (несмотря на протесты) на вокзале, если я был с женой — непременно с цветами. После этого следовал «ритуальный» обед в каком-нибудь ресторанчике. Последний раз «вживую» мы виделись 23 февраля 2020 года в Питере, в день его 75-летнего юбилея. Постоянно перезванивались по скайпу, по делу и просто так, поболтать. Виктор был одним из тех немногих людей, с которыми можно было быть совершенно откровенным, о чем бы ни шла речь. Болтовню он обычно завершал «лозунгом»: «Работаем!» В начале 20-х чисел января 2021 он мне вдруг позвонил не по скайпу, а на мобильный. Было плохо слышно, к тому же я был чем-то занят, сказал, что перезвоню позже. Потом что-то ёкнуло: почему он звонит на мобильный? Перезвонил минут через десять: оказалось, Виктор звонил из ковидной больницы. Сказал, что звонить ему туда нельзя, продиктовал телефон для

³ См.: Указатель содержания «Архива еврейской истории», кн. 1–10 // Архив еврейской истории. Т. 11. М., 2020. С. 364–372.

связи с его бывшей аспиранткой Яной, мониторившей ситуацию и занимавшейся покупкой необходимых для ковидного отделения материалов. Виктор позвонил из больницы еще один раз: его волновало, хватает ли денег: бесплатная медицина обходилась недешево. С деньгами-то проблем не было, но с каждым днем в оптимистические прогнозы верилось все меньше. 23 февраля я отправил ему СМС — поздравлял с 76-м днем рождения. Не думаю, что Виктор прочел сообщение. На следующий день его не стало...

В таких случаях принято писать, что остались книги, ученики... Ну да, ученые и преподаватели имеют в этом отношении некоторое преимущество перед прочими смертными. Но вот только никто больше не напишет: «Старик, как дела?»

Геннадий Эстрайх

Ефим Меламед (1951–2021): «Не поминайте лихом...»

Никогда не думал, что мне придется писать что-то в память о Ефиме. Он был старше меня всего на несколько месяцев. Я помню, когда ему исполнилось шестьдесят, он меня успокоил: «Не бойся, ничего страшного в этом нет». Действительно, страшного тогда ничего не случилось. Странным оказалось его последнее электронное письмо, отправленное 20 февраля 2021 года, через день или два после того, когда он мне сказал, что заболел ковидом. Сказал как-то мимоходом, мол, неважно себя чувствую. А 20 февраля он коротко сообщил, что «плохи дела». При этом он посылал «рукопись в последнем варианте», но не был уверен, успеет ли ее отправить «раньше, чем придет скорая». И добавил (письмо было адресовано не только мне): «Не поминайте лихом...» Он умер 3 марта. В тот же день в Петербурге похоронили нашего общего друга Виктора Кельнера.

Начало нашей электронной переписки у меня тоже сохранилось — 6 февраля 2008 года. Вскоре после нашего знакомства на конференции в Киеве по случаю 90-летия со дня основания еврейской «Культур-Лиги» в столице Украины. О «Культур-Лиге» можно почитать, например, статьи Ефима «The Fate of the Archives of the Kiev Institute of Jewish Proletarian Culture» в журнале «East European Jewish Affairs», № 2, 2012 и «По следам архива Культур-Лиги» в альманахе «Параллели», № 13–14, 2015. Предпоследний раз мы виделись с Ефимом не электронно-виртуально тоже на конференции, посвященной «Культур-Лиге». Проходила она в ноябре 2018 года в Урбане-Шампейн, США. Последняя наша

встреча была в Киеве летом 2019 года — несколько часов между прилетом из Запорожья и отлетом в Лондон. Погуляли в центре города и пообедали возле Бессарабского рынка.

Таких неvirtуальных встреч у нас вообще было не очень много за тринадцать лет знакомства, переросшего в дружбу: кроме Киева и Урбана-Шампейн, еще несколько раз — в Москве, Нью-Йорке, Берлине, может, еще где-то. При этом на протяжении многих лет почти не было недели или даже дня, чтобы мы не говорили по скайпу. Голос Ефима моя жена узнавала из другого конца дома. Мне всегда было с ним хорошо говорить. Лицо его преображалось, когда он улыбался. Чувство юмора — и сарказма — у него было замечательное. Он умел слушать. Этим качеством обладают далеко не все, особенно люди, увлеченные своим делом.

Больше всего говорили о деле. Ефим был важным участником проекта, связанного с написанием многотомной истории советского еврейства. Об этом или вокруг этого мы наговорили сотни часов. Но и «за жизнь» мы тоже много наговорили. Немало спорили, иногда очень горячо. У Ефима было такое свойство характера: он очень избирательно включал людей в свой ближайший круг. Но если ты в него попадал, то он уже на тебя обиды не таил. Ты становился *своим*. Так мне, по крайней мере, казалось. Именно поэтому у нас, я думаю, даже самые горячие споры никогда не переходили в ссоры. Ефим был упрямей меня, и я часто уступал, особенно если речь шла о чем-то не очень для меня принципиальном. Правда, я не помню, чтобы у нас было много разногласий, когда мы писали вместе статью «О погроме в Бердичеве» для восьмого выпуска «Архива еврейской истории».

Ефим много сил вкладывал в написание текста и болезненно переживал вмешательство редактора. Его совсем не убеждали аргументы, что мы не Пушкины и потому не должны отчаянно бороться за то или иное слово. Своим словом он очень дорожил. Не жалел он сил и на поиски «вишенки на торте» — мельчайшего факта, подтверждавшего или иллюстрировавшего что-то в историческом нарративе. В его восприятии история представляла собой своеобразный захватывающий детектив, в котором

перед ним стояла задача вычислить, выследить, раскрыть «виновников» и понять побудительные мотивы их действий. Поэтому все, казалось бы, мелочи были важны. Дотошность, снижавшую скорость выдачи на-гора публикаций, Ефим компенсировал колоссальными временными затратами на архивно-библиотечный поиск и на само написание. Он настолько погружался в то, над чем работал, что ему сложно было переключиться хотя бы на короткое время на другую тему.

Ефим не был человеком, всю жизнь посвятившим одной теме. В 1981 году в Москве вышла его монография «Джордж Кеннан против царизма», а второе издание этой книги увидело свет в Иркутске под названием «Русские университеты Джорджа Кеннана». Казалось, он мог стать американистом, но не стал. Писал он и о людях, каким-то образом связанных с его родным городом Житомиром. Так появились публикации о Владимире Короленко и о выкрестившемся еврейском дедушке Ленина. С огромным объемом работы было связано его участие в подготовке томов «Документы по истории и культуре евреев в архивах Киева» (2006) и «Документы по истории и культуре евреев в региональных архивах Украины» (2009). Архивы были его стихией.

Последние годы Ефим практически полностью посвятил работе с сохранившимися и ставшими доступными в Киеве и других городах Украины архивными материалами НКВД, МГБ, партийных и других организаций. Он стремился составить по возможности точный исторический нарратив о трагической судьбе еврейских организаций, писателей и научных работников, живших и работавших в Киеве в сталинские годы. Благодаря его усилиям мы сейчас знаем намного больше о киевском Институте еврейской пролетарской культуры и о Кабинете еврейской культуры, о еврейских писателях — Абраме Абчуке, Абраме Кагане, Гирше Блоштейне и других. Ему удалось понять какие-то механизмы работы советских репрессивных органов и даже раскрыть имена нескольких писателей, фигурирующих — под псевдонимами — в качестве агентов-осведомителей. Одну из работ на «киевскую тему» Ефим написал специально для этого тома «Архива».

Ефим всегда работал вне академических институций. Судьба так распорядилась, или он сам так распорядился своей судьбой, но он, по сути дела, оставался «свободным художником» или, точнее, независимым исследователем. Это ни в коей мере не умаляет его научный вклад. Не будет преувеличением сказать, что исследования, проведенные Ефимом Меламедом, открыли новые направления для дальнейших работ по изучению советской еврейской истории. А для тех, кто хорошо знал Ефима, он останется примером преданности исторической науке. И преданности, готовности помочь коллегам по цеху.

ИССЛЕДОВАНИЯ

Е. И. Меламед (Киев)

«Донесениями вновь завербованного агента “Кант”...»

*Еврейские писатели под надзором спецслужб
сталинского режима¹*

13 июля 1939 года начальник 2-го (секретно-политического) отдела Главного управления государственной безопасности НКВД УССР капитан госбезопасности Леонид Павлычев докладывал своему руководству:

Донесениями вновь завербованного агента «Кант» и другими агентурно-следственными материалами устанавливается наличие среди антисоветской части еврейских писателей Украины, глубоко законспирированного право-троцкистского подполья, руководимого еврейским поэтом, быв[шим] бундовцем, троцкистом Фефером Исааком Соломоновичем, который на протяжении последних десяти лет является бессменным руководителем секции еврейских писателей Украины и проходит по показаниям ряда осужденных участников право-троцкистской организации, как один из ее представителей в литературе².

¹ Настоящая работа подготовлена в рамках проекта «История евреев Советского Союза», осуществляемого Нью-Йоркским университетом при поддержке Евгения Швидлера. В данном издании печатается в сокращении. Пользуясь случаем, выражаю благодарность всем, кто способствовал моим поискам и помогал в процессе подготовки текста. И прежде всего — Роману Подкуру (Киев), Геннадию Эстрайху, Людмиле Шолоховой (Нью-Йорк, США), Михаилу Крутикову (Энн-Арбор, США), Вадиму Алцкану (Вашингтон, США), Григорию Казовскому и Вениамину Лукину (Иерусалим, Израиль).

² Галузевий державний архів Служби безпеки України (далее ГДА СБУ). Ф. 16. Оп. 1. Спр. 380. Арк. 124.

К тому времени и сама эта организация, и агентурное дело, заведенное для ее разработки, уже получили свое название — «Боёвцы». Между прочим, название это впервые встречается в обширной записке, одной из двух, которые, хотя и оформлены в виде агентурных донесений, скорее напоминают историко-литературные труды, правда весьма специфические. Их автором является упомянутый выше агент «Кант». О нем самом и о его донесениях речь впереди, но сначала о предмете интереса чекистов и «истории вопроса».

1. Сначала был «Бой»...

В своих записках «Кант» воскрешает историю одного из малоизвестных, а ныне и вовсе забытых еврейских писательских объединений Украины второй половины 1920-х годов. Его название — «Бой» (в переводе с идиша «стройка»³) — до некоторой степени передает своеобразие той поры, когда творческие искания и идеологические приоритеты побуждали писателей — и украинских, и еврейских — к взаимному сближению и размежеванию, и они еще сами решали, с кем и на каких началах объединяться в различные литературные организации, группы и группировки.

И сближение, и размежевание происходило главным образом по линии «пролетарские и непролетарские писатели», большинство последних по тогдашней терминологии являлись «попутчиками», но на Украине под спудом зачастую оказывался и другой фактор: раскол между теми, кто стремился быть частью общего советского литературного процесса, и теми, кто ориентировался на его сугубо украинскую составляющую⁴.

³ А точнее, как пишет Геннадий Эстрайх, компонент сложносоставного слова советского идиша, копировавший соответствующий аналог русского «строй» и украинского «буд» (*Эстрайх Г.* Осколок «Культур-Лиги». Киевская литературная группа «Бой» // Народ Книги в мире книг. 2019. Август. № 141. С. 1).

⁴ *Estraiikh G.* In *Harness: Yiddish Writer's Romance with Communism*. Syracuse, NY. 2005. P. 127.

Пролетарской считалась возникшая в 1922 году в Киеве, но недолго просуществовавшая группа «Видервукс» («Поросль»). В группу входили тоже в большинстве своем начинающие авторы, однако их лидер, поэт Ицик Фефер (1900–1952), был уже состоявшимся мастером слова, причем, что важно, слова понятного читателям из низов.

Но если члены «Видервукса» видели своих читателей прежде всего в рабочей среде и потому ратовали за массовость и доступность литературной продукции, то другая киевская еврейская писательская группа с характерным «конструктивистским» названием «Антенa», чье рождение относят к 1924 году, уповала на более подготовленную и утонченную аудиторию, следуя в этом смысле традициям незадолго перед тем прекратившей свое существование Культур-Лиги. Эта крупнейшая еврейская культурно-просветительская организация 1920-х годов, которую Перец Маркиш уподоблял Третьему Храму еврейской цивилизации⁵, со всеми своими школами, курсами, гимназиями, народным университетом, равно как и музеями, театральными студиями, библиотеками и читальнями, создавала условия для образования и самообразования всем тем, кто к этому стремился, и тем самым способствовала повышению уровня еврейского читателя, слушателя и зрителя.

«Антенa» имеет свою предысторию. Составившие ее костяк киевские писатели ранее, в 1922–1924 годах, группировались вокруг московского журнала «Штрoм» («Поток»), по сути, первого советского еврейского литературного периодического издания, основателями и редакторами которого были тоже киевляне: Иехезкел Добрушин, Арон Кушников, Наум Ойслендер и Давид Гофштейн. С ним они связывали большие надежды, которые, однако, не оправдались; через два года журнал прекратил свое существование, так и не получив государственной поддержки⁶. Позднее были и другие безуспешные попытки легализовать неформально сложившееся объединение уже в Киеве. Собственно,

⁵ См.: Казовський Г. Феномен Культур-Ліги // Культур-Ліга: художній авангард 1910–1920 років / Упор. Г. Казовський. Київ, 2007. С. 25.

⁶ Эсрайх Г. Осколок «Культур-Лиги». Киевская литературная группа «Бой». С. 4.

даже возникшая в конечном итоге «Антенa», как выясняется, тоже нигде не была формально зарегистрирована, а ее декларация, которая воспроизводится в книге Аврама Абчука «Этюды и материалы к истории еврейского литературного движения в СССР, 1917–1927» (единственной работе о деятельности еврейских литературных групп и объединений в первое послеоктябрьское десятилетие, давно ставшей к тому же библиографической редкостью⁷), в печати до того нигде не появлялась⁸.

Из декларации «Антенy» между прочим выясняется ее родственная связь с украинской писательской организацией «Гарт» («Закалка»), в которой закалялись будущие классики украинской литературы: поэты Владимир Сосюра, Павло Тычина и будущий киноклассик, режиссер и сценарист Александр Довженко. Антеновцам «Гарт» импонировал и своим неприятием идеи массовости литературы, что неизбежно приводило к снижению ее уровня, и поддержкой развития литератур нацменьшинств⁹.

Следует также упомянуть о нескольких неудачных попытках, предпринятых украинскими властями, объединить всех еврейских писателей в рамках одной организации¹⁰. Всех объединить так и не удалось. В итоге зимой 1927 года были образованы две организации: Ассоциация революционной еврейской литературы на Украине», основой которой стал «Видервукс», и «Бой», предтечей и основой которого сделалась все та же «Антенa». Летом 1927 года в № 5/6 харьковского журнала «Ди ройте велт» («Красный мир») были опубликованы декларации обеих организаций, причем инициативную группу, которая подписала этот документ со стороны «Боя», составили почти сплошь антенновцы: Наум Ойслендер,

⁷ Что не мудрено, ибо, признанная троцкистской, она была изъята из библиотек. Подробнее о книге и судьбе ее автора см.: Меламед Е. Ирония судьбы Аврама Абчука // Народ Книги в мире книг. 2017. № 127. С. 8–11; Он же. Еще раз о судьбе Аврама Абчука // Там же. № 130. С. 1–3.

⁸ *Abchuk A. Etyudn un materialn tsu der geshikhte fun der Yidisher literaturbavegung in F.S.R.R. Kharkov, 1934. Z. 182.*

⁹ *Ibid. Z. 187–190.*

¹⁰ Подробнее об этих попытках см.: Эстрайх Г. Осколок «Культур-Лиги». Киевская литературная группа «Бой». С. 4–5.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru